5

К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского

Великий писатель

Сегодня советские люди вместе со всем прогрессивным человечеством чтут память великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского — одного из самых крупных художников мира, снискавшего всеобщее признание своими произведениями, могучей, проникновенной силой изображения человека в тисках старого общества.

Гениальный художник слова, Достоевский жил и творил в сложную переломную эпоху русской истории, когда крепостнический строй подвергался ломке, все больше уступая место развивающемуся капитализму с его новыми цепями и муками для простых людей. Огромные слои населения захватывал и уродовал вихрь чистогана, безудержная власть денежного мешка; рос круг униженных и оскорбленных.

Писатель пристально вглядывался в жизнь, проницательным взором улавливал, какие страшные страдания несут человечеству разгул хищничества, цинизм волчьих законов жизни, улавливал и содрогался перед единственно возможной, как ему казалось, дилеммой — «или рабство, или владычество». Других путей нет: или тебя раздавят, или сам будешь давить других. Это последнее гадко, омерзительно, неприемлемо, не вяжется с достоинством человека. Остается, по мысли писателя, сострадание подавленным и смирение.

Начав свою творческую деятельность в 40-х годах прошлого века, Достоевский следует светлым традициям отечественной литературы, исполненной гуманизма, отмеченной демократической устремленностью. Его первую повесть «Бедные люди» восторженно встретили Некрасов и Белинский, все те, кто представлял лагерь революционной борьбы, кто видел единственный путь освобождения человека в идеях социализма, тогда еще утопического.

Наделенный большой душевной чуткостью, Достоевский остро воспринимал общественное зло, тяжко переживал боль и страдания «маленького человека» с раздвоенной душой, в которой уживались и протест против мира насилия и покорность, порожденные противоречивыми условиями эпохи. И уже в первый период своего творчества писатель ошибочно усматривал в этих противоречиях навсегда данные свойства человеческой натуры. Эти серьезные изъяны в мировоззрении молодого писателя, сказавшиеся в ряде произведений, может быть, потом сгладились бы под влиянием революционной идеологии, если бы не адские силы царизма, подстерегавшие все светлое и чистое, чтобы сломить и растоптать. Достоевскому дорого пришлось заплатить за свои ранние революционные увлечения, за участие в кружке петрашевцев. После чудовищного глумления над личностью арестованного писателя царские власти заперли его в Омской крепости, обрекли на каторгу, ссылку, выбросили на десять лет из жизни, предав безнадежному духовному одиночеству среди других угнетенных и искалеченных людей. Это было после поражения революции 1848 года на Западе, в период разгула реакции в России, и все вместе еще более надломило тонкую душу писателя, усилило его колебания, пробудило в нем неверие в революцию, сознание невозможности изменить жизнь к лучшему.

С этих пор писатель все шире и громче прославляет покорность и смирение, пытается примирить непримиримое — интересы угнетенного народа с интересами угнетателей. Вместе с тем было бы грубой ошибкой за этими враждебными субъективными устремлениями писателя не видеть огромной силы его реализма, той потрясающей правды жизни, которая объективно отражена в больших социальных картинах, обнаживших мерзкую подноготную капиталистического общества с его сетями лжи, лицемерия, звериного эгоизма. Эта большая правда встает со страниц ярких книг Достоевского с захватывающими сюжетами и образами. Эта правда отраженной художником действительности сама восстает против ницшеанской его морали.

Всемирной известностью пользуются такие произведения Достоевского, как «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Записки из Мертвого дома», «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы», сурово повествующие о буржуазном обществе, развращающем и уродующем людей. Произведения Достоевского сильны своим горячим протестом против бесчеловечного общественного строя, а не религиозно-нравственными тенденциями писателя, ложными и бесплодными в своей основе, давно опровергнутыми ходом исторического развития.

Было бы ошибкой, вместе с тем, не замечать, что реакционные взгляды писателя не всегда заглушались в его творчестве могучей силой реализма, что они, наоборот, нередко снижали эту силу. Реакционное мировоззрение нанесло серьезный ущерб реализму Достоевского, его художественному гению, породило надуманные, фальшивые образы, наложило отпечаток на его образную систему. Религиозно-охранительные тенденции Достоевского, его смирение и кротость не позволяли ему почувствовать движение времени. Среди его героев нет сильных и цельных характеров, ясных в своих устремлениях благородных борцов за народное дело. Писатель прошел мимо этих людей, не понял их, а в одном из слабейших своих произведений — романе «Бесы» — злостно исказил образы подлинных революционеров.

Горький высоко отзывался о Достоевском, резко критикуя в то же время реакционные взгляды писателя, решительно отвергая «достоевщину». Сложно, противоречиво, двойственно, исполнено глубочайшего драматизма творчество Достоевского. С тех пор, как он написал свою последнюю страницу, прошло много лет. Весь ход истории показал, что в великой битве за человека, за народное счастье, против пут угнетения и унижения победила передовая, революционная Россия — та, которой не увидел Достоевский.

Советские люди, не закрывая глаза на слабые стороны творчества Достоевского, на все ошибочное и порочное в его произведениях, ясно видят, в чем подлинное величие его как художника. Как бы ни пытались сегодняшние зарубежные реакционеры, враги мира и счастья народов, использовать мрачные страницы Достоевского для своей мистической, антинаучной пропаганды, им не удастся скрыть от читателя его страстный протест против угнетения, его любовь к человеку, безмерно страдающему в хищническом мире. Все лучшее в Достоевском — гениальный дар проникновения в самые глубины человеческой психики, беспокойная совесть, жадно ищущая ответы на «проклятые вопросы» общественной жизни, мучительные раздумья о судьбе человека в классовом обществе, раздираемом противоречиями, могучий пафос в защиту простых людей, несравненное мастерство художника, обогатившего мировую литературу, — все это высоко ценят советские люди.

Подлинного Достоевского мы никому не отдадим. Миллионными тиражами выходят в Советской стране его книги, издается собрание сочинений, публикуются неизданные произведения. Вышли новые работы о творчестве писателя. Широко отмечаемая 75-я годовщина со дня смерти Достоевского, несомненно, послужит усилению марксистской разработки коренных вопросов его творческого наследия, уяснению действительного исторического места и значения великого русского и мирового писателя.

Сила художника

Б. МЕЙЛАХ

В мировой литературе немного найдется писателей, которые обладают умением так захватывать читателя, так потрясать его душу, как этого достигает Достоевский в лучших своих творениях. Слово, сказанное им, слово о социальных низах, о человеческом достоинстве, благородстве, душевной чистоте простых людей — это слово оказалось столь свежим и страстным, что ознаменовало новое явление в литературном развитии. Открытие сложности, своеобразия внутреннего мира «ничтожного» (с точки зрения аристократической эстетики) героя было сделано не сторонним наблюдателем, не человеком, у которого беспросветное горе «меньшого брата» вызывает лишь соболезнование. Чувства и переживания бедного люда Достоевский воспроизводит настолько остро, что страдания героев ощущаются как собственные страдания писателя, а изображенные им картины воспринимаются с такой красочной живописностью, как будто проходят непосредственно перед нашими глазами и мы **слышим** грозные вопросы, отчаянные стоны, глухие проклятия.

В чем «тайна» этого мастерства Достоевского, мастерства, которое исключительно высоко оценивал Горький, со справедливой резкостью выступавший в то же время против реакционных сторон его творчества?

Обычный ответ на этот вопрос гласил: могучее воздействие наиболее совершенных образов Достоевского — результат его таланта. Можно ли спорить? Сам Достоевский однажды заметил: «Писатель без таланта, тот же хромой солдат». Но все же ответ слишком общий.

Конечно, исключительная одаренность, чуткость натуры, поэтическая фантазия, владение так называемыми «секретами» художественности — искусством композиции, сюжета и т. д. — все это качества, без которых немыслимо представление о гениальном писателе. Но сам Достоевский, который в высокой степени обладал этими качествами, ставил вопрос шире и глубже. Он много размышлял на тему об **условиях** проявления силы таланта. Эта тема соприкасается с большой и совсем еще не изученной областью — **эстетикой Достоевского**, областью, в которой также выразилось свойственное всей его творческой деятельности причудливое сочетание верного и неверного, жизненной трезвости и идеалистического субъективизма. Но сквозь противоречивость понимания Достоевским задач писателя пробиваются живые и плодотворные мысли, не только захватывающе интересные, но и весьма поучительные.

Какими же условиями, по мнению Достоевского, определяется сила таланта? В одной из своих статей Достоевский утверждал:

«Можно знать факт, видеть его самоличносто раз и все-таки не получить такого впечатления, как если кто-нибудь другой, человек особенный, станет подле вас и укажет вам тот же самый факт, но только по-своему, объяснит вам его своими словами, заставит вас смотреть на него своим взглядом. Этим-то влиянием и познается настоящий талант».

Но не всякое освещение фактов покоряет. И это Достоевский хорошо понимал. Развивая эту мысль, он заметил:

«Чем сильнее художник, тем вернее и глубже выскажет он свою мысль, свой взгляд на общественное явление и тем более поможет общественному сознанию. Разумеется, тут почти всего важнее, как сам-то художник способен смотреть, из чего составляется его собственный взгляд,— гуманен ли он, прозорлив ли, гражданин ли, наконец, сам художник? В этом заключается задача и назначение художества, а вместе с тем определяется ясно и роль, которую имеет искусство в общественном развитии».

В этих признаниях — ключ к пониманию могущественного значения самых волнующих образов Достоевского, а также слабости его других, надуманных характеров. Разумеется, в трактовке Достоевским понятий «гуманность» и «гражданственность» было много и враждебного передовым общественным силам, консервативного. Но именно как гуманист, в высоком смысле слова, выступал он, когда показывал, что «петербургское человечество», одержимое лучшими мечтами и чувствами, — это не паразитическая частица населения и не мир особняков, озаренных сиянием хрустальных люстр, а мир чердаков и подвалов, освещенных огарком свечи.

Как гуманист выступал Достоевский тогда, когда он показывал, пусть придавленный или затаенный, но зреющий протест бедного люда, или когда, рассказывая о погребенных на каторге великих силах, вопрошал: кто виноват? И в самой двойственности его творчества, в столкновении тенденций смирения и протеста остались тлеть искры юношеских влечений. Но разрывом с гражданским гуманизмом и ослаблением силы таланта были ознаменованы те его произведения, в которых взгляд художника был ослеплен реакционной тенденциозностью.

Необходимейшим условием проявления силы таланта Достоевский считал работу писателя над самыми злободневными темами современности. Он порицал писателей, которые обращают внимание на характерность тех или иных явлений действительности или типов уже тогда, когда эти явления или типы проходят или исчезают и старое подают на стол за новое. «...Только гениальный писатель, или уж очень сильный талант угадывает тип **современно** и подает его **своевременно**; а ординарность только следует по его пятам, более или менее рабски, и работая по заготовленным уже шаблонам»,— писал Достоевский. Именно таким чутким писателем, с исключительной меткостью, современно и своевременно угадавшим типы Макара Девушкина, Раскольникова, Настасьи Филипповны, Ивана Карамазова и других, и был Достоевский. Он не отстранялся от мучительного анатомического анализа конфликтов, которые порождала эпоха ломки старой России, эпоха острого столкновения классовых сил, и хотя искаженно понимал сущность этого столкновения, но ставил на очередь самые животрепещущие проблемы социальных контрастов. Предпочтение современной социальной теме перед всеми другими сквозит во многих суждениях Достоевского.

Быть может, наиболее интересными являются в этом плане мысли, которые Достоевский поручил высказать в эпилоге романа «Подросток» Николаю Семеновичу. Не без иронии говорится здесь о романисте, который предпочитал исторические сюжеты, да и не вообще исторические, а такие, которые приносят спокойствие, в которых заключается отдых от жизненных бурь. Но что же делать писателю, не желающему писать лишь в историческом роде и одержимому тоской по текущему? — спрашивает Николай Семенович и отвечает: «угадывать и... ошибаться».

Если снять с этих рассуждений налет полемичности, связанной с конкретной обстановкой литературной борьбы, то нельзя не увидеть здесь той страстной защиты современной темы, которая, при всей непримиримости расхождений Достоевского с передовой критикой, близка в этом плане именно ее традициям.

Отсюда понятно и отрицательное отношение Достоевского к натуралистическим приемам, к бесстрастному копированию, которое никогда не приводило и не приведет к открытиям. А именно способность к открытиям Достоевский считал принадлежностью подлинного таланта.

Характерно, что Макар Девушкин восхитился пушкинским «Станционным смотрителем» не только потому, что его собственная жизнь оказалась «как по пальцам разложена»: он понял в жизни то, что «прежде невдогад было», ибо его собственное сердце писатель «людям выворотил изнанкой»... Нет никакого сомнения в том, что именно о таком эффекте своих произведений мечтал Достоевский.

Требуя от художника верности действительности, освещенной общей идеей, Достоевский зачастую субъективистски трактовал само понятие идейности. Но вместе с тем сколько глубокого смысла в таких его признаниях, как, например, письмо С. Ивановой, где он говорит о русской действительности, «дающей мысли», как о всегдашнем и необходимом материале для творчества! А один из литераторов-современников так передает совет Достоевского: «Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает вам того, что дает иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь. Уважайте жизнь!».

И, наконец, условием проявления силы таланта Достоевский считал непрестанный, огромный, вдохновенный труд. Теперь, после того, как мы столько знаем о творческом процессе Достоевского, никто не посмеет сказать, что он, в силу обстоятельств своей безмерно тяжелой жизни, не вынашивал своих произведений и всегда писал их сразу, с лихорадочной быстротой. Своеобразие дарования Достоевского заключается в том, что самая большая, самая напряженная длительная творческая работа происходила в его сознании до того, как образы переносились на бумагу. Но и дошедшие до нас рукописи и записные книжки Достоевского говорят о том, как упорно, как титанически он трудился.

***

В «Дневнике писателя» Достоевский однажды заметил, что жизнь средне-высшего дворянства, ярко описанная беллетристами, «есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни». Он указывал на необходимость осветить «остальные уголки», страшно многочисленные. «И если в этом хаосе, в котором давно уже... пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити?» — писал Достоевский.

Достоевский осветил многие уголки «хаоса», куда ранее не достигал взгляд художника, но на тех позициях, на которых он стоял, «нормальный закон» и «руководящая нить» не были и не могли быть обретены. В этом разгадка не только силы и слабости Достоевского, но и трагедия его таланта, источник мучений и колебаний писателя. Но когда его талант питался корнями самой действительности, мощная сила этого таланта всегда оказывалась направленной против религиозной догматики, смиренномудрия, апологии неподвижности. Так живая вода разрушает мертвый камень, так живые ростки всегда выбиваются вперед сквозь истлевшие листья.

Иллюстрации художника Д. Шмаринова к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Книга выпускается Гослитиздатом.

Достоевский в Сибири

В. КИРПОТИН

Достоевский, вместе с другими петрашевцами, был арестован 23 апреля 1849 года. 23 января 1850 года его доставили в омскую каторжную тюрьму.

Движение петрашевцев не было изолированным явлением. Оно явилось политической вершиной подъема сороковых годов. Оно было связано многими нитями с революционным брожением, подготовившим 1848 год. Разгром петрашевцев приобрел значение заключительного аккорда контрреволюционного террора, завершившего «безумный год» революции.

Поражение общественного движения вызывает двойные результаты. Наиболее стойких деятелей, особенно если они верят в массы, поражение закаляет. Салтыков, тоже петрашевец, засланный в далекую и глухую тогда Вятку, сопоставив то, «о чем говорила ему книга», с реальной действительностью, «во второй раз понял, понял и сердцем, и мыслью, и всем существом» правоту своих идеалов. У слабых же поражение рождает разочарование, приводящее к пересмотру и даже к отказу от старых программ.

Вступил в полосу пересмотра своих убеждений и Достоевский. Его отличие от Салтыкова состояло в том, что он усвоил не столь прочно уроки Белинского и Герцена (что выразилось в «Двойнике») и что пережить идеологический кризис ему пришлось в исключительной обстановке каторги. «Одинокий душевно,—писал Достоевский, — я пересматривал всю прошлую жизнь мою... вдумывался в мое прошедшее, судил себя один неумолимо и строго». Какие же выводы сделал Достоевский в итоге своего «строгого пересмотра»?

Свое соприкосновение с уголовными каторжанами Достоевский воспринял, как соприкосновение с народом, без всякой поправки на особенность среды, в которой он очутился. Оказалось, что «народ» не понимает и не принимает политических. В недоверии каторжан преломилось недоверие «мужиков» к дворянам. «Да-с, дворян они не любят,— объяснял Достоевскому один из них,— особенно политических... Во-первых, вы и народ другой, на них непохожий, а во-вторых, они все прежде были или помещичьи, или из военного звания. Сами посудите, могут ли они вас полюбить-с?».

Разъединение с народом составляет основную трагическую черту «Записок из Мертвого дома», книги, в которой Достоевский (хотя и с оглядкой на цензуру) описал, что он пережил и передумал в остроге.

Правильный анализ привел бы Достоевского к выводу, что необходимо разбудить сознательность масс, разъяснить им, в чем состоят их истинные интересы, и тем поднять их до уровня передовых общественных программ. Достоевский пошел по другому—неверному и опасному—пути. Он решил, что передовой интеллигенции необходимо опуститься до уровня народа, как ему казалось, на самом же деле до уровня тогдашней отсталости и темноты. «Не многому могут научить народ мудрецы наши,— формулировал он свой тезис.—Даже утвердительно скажу,— напротив: сами они еще должны у него поучиться».

Чтобы сравняться с «народом», Достоевский стал прежде всего рассудочно укреплять в себе религиозное чувство. В его признаниях проскальзывает очень любопытная нота, говорящая не о вере, а о намерении верить так, как верит темный люд.

Равнение на отсталость, подогревание в себе христианской веры привели Достоевского к отказу от идеи революции. Наблюдения над народными типами из среды каторжан и обобщение этих наблюдений в систему взглядов о народе создавали у Достоевского убеждение в беспочвенности будто бы ожидания революции в России и даже нежелательности ее. А. Врангель, наблюдавший его в Семипалатинске, сообщает, что «слышал от него... что политический переворот в России **пока** немыслим, преждевременен...». Подчеркнутое Врангелем слово «пока» обозначает вынужденность отказа от старых убеждений: народ пока не готов. Однако оно содержит в себе и элемент страха. **Пока** переворот, революция невозможны, но кто знает, как пойдет дело в будущем. Каторга создала у Достоевского ощущение страха перед возможными стихийными революционными вспышками.

Однако политическое смирение еще не перешло у Достоевского в смирение моральное и в отказ от демократических симпатий 40-х годов. «Собаки любят смирение и покорность в себе подобных», — читаем мы его саркастическое замечание в «Записках из Мертвого дома». В «Дневнике писателя» Достоевский писал о преступниках из низовых слоев населения, с которыми он провел четыре года: «никто из них не считал себя правым» и что точно так же не считал их правыми народ. В самом же остроге он полагал другое: «преступник,— писал он, — восставший на общество... всегда считает себя правым», и причину этого видел в социально-классовой подоплеке преступлений против крепостнических и капиталистических законов.

Настроения Достоевского на каторге были пронизаны не культом мученичества и страдания, а жаждой воли, свободы. Как прекрасно описание неуживчивого, яростно сопротивляющегося орла! Сколько сочувствия его гордости, непокорству, его ненависти к неволе и сколько желания последовать за ним!

Несколько позднее одним из важных предметов общественной дискуссии, острием своим направленной против режима абсолютизма, стала проблема телесных наказаний. Вспомним в этой связи выступления Добролюбова против Пирогова. Достоевский со страстным негодованием осуждал телесные наказания, неотъемлемую принадлежность крепостнического «права», как способ гражданского разложения общества, как способ воспитания тиранов. «Тиранство есть привычка, — писал он, — оно одарено развитием... Кровь и власть пьянят: развиваются загрубелость, разврат... Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен».

Но ведь это значит, что к такому погибшему для добра «человеку» нельзя подходить с меркой христианского всепрощения, что для обуздания такого рода «деятелей» должны быть найдены иные средства, что должен быть установлен такой порядок, при котором безнравственный, злой человек не мог бы получить права распоряжаться себе подобным.

Достоевский на каторге «перестал верить в революцию, и в этом была величайшая трагедия, величайшее несчастье всей его жизни» (Ярославский). Однако он не закрыл глаза на язвы, боли и недостатки современной ему России. Позицию его в это время можно назвать, в социальном и политическом отношении, реформистской.

С такими настроениями Достоевский в феврале 1854 года вышел из каторги и был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон в Семипалатинске. В идеологическом отношении Достоевский попрежнему был предоставлен самому себе. «Друг ты мой, если б ты только знал в каком я здесь горьком одиночестве, — жаловался он брату 21 августа 1855 года... — Я одинок, как камень отброшенный».

В 1853 году началась Крымская война с ее севастопольской эпопеей. В начале 1855 года умер Николай I. Россия вступила в период общественного подъема. Одной из слабых сторон движения шестидесятых годов было отставание провинции от столиц. Новые веяния почти не доходили до Семипалатинска, и Достоевский не понимал, что начиналось в России: «Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг вас, о котором вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь вам, я вас не понял...—писал он А. Майкову 18/I 1856 года.— Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает».

Старое казалось Достоевскому тем более незыблемым, что вынесенный ему приговор оставался в полной силе. Достоевский и сосредоточил свою энергию прежде всего на том, чтобы добиться освобождения. Чтобы облегчить свои ходатайства, он стал писать верноподданнические стихотворения. Цель всех его полустихотворений-полупрошений была совершенно откровенной: «снискать доверие правительства».

В отставку Достоевский сумел выйти только в 1859 году. Так как въезд в Петербургскую и Московскую губернии был ему запрещен, то он выбрал для жительства Тверь. Лишь в декабре 1859 года, когда революционный кризис был близок к своей вершине, он получил разрешение поселиться в Петербурге. Насколько все эти годы Достоевский был оторван от общественного движения, видно из того, что в Твери он не заметил деятельности А. Унковского, знаменитого лидера русских либералов.

Жизнь в отдалении от центров общественного движения, подневольная солдатчина, затруднения в получении книг, поглощенность борьбой за свое освобождение сильно давили на Достоевского. В отличие от Салтыкова у Достоевского не было ни условий, ни сроков для нормального, органического ознакомления с освободительным движением новой эпохи. Достоевский возвращался из Сибири очень плохо подготовленным для ориентировки в классовых отношениях шестидесятых годов.

Поле его наблюдений в Семипалатинске оставалось попрежнему суженным, а его общественный опыт — попрежнему неполным и искривленным. Условия существования непосредственно после каторги давили на него в ту же сторону, что и каторга,— его убежденность в неосуществимости и нежелательности революционного переворота в России только укреплялась, а доказательства противоположного порядка почти не доходили до него.

В целом условия существования и влияния, испытанные Достоевским на каторге и в принудительной солдатской службе, осложняли и затрудняли и его художественное мышление, наполняя его неразрешимыми противоречиями между глубокой любовью к простым людям, обойденным на жизненном пиру, и бесперспективностью его сочувствий вследствие утраты веры в революционное преобразование. Однако Достоевский возвращался из Сибири с запасом важного и оригинального жизненного материала, который по своему характеру и по авторскому освещению накладывал неизгладимый отпечаток на все его дальнейшее творчество.

После каторги Достоевский стал вводить тему преступления почти во все свои новые произведения. В ученики утопических социалистов, у Белинского и Герцена проблема преступления занимала большое место. Все они рассматривали преступление, как продукт неправильно устроенной общественной среды, и считали, что главные усилия должны быть направлены не столько на наказание преступников, сколько на переустройство ненормальных общественных отношений, порождавших преступность. Достоевский придерживался этого же взгляда и сохранял его в Сибири.

Теоретический и гуманный интерес к проблеме преступления, усвоенный Достоевским в сороковых годах, соединился у него после каторги с необыкновенно богатым запасом наблюдений над реальными преступниками, с их реальными преступлениями. Это дало ему возможность связывать в едином сюжетном изложении философско-художественные обобщения, «поэзию» с «художеством», под которым он разумел живописание реальности.

Отказ от идеи революции заставил Достоевского ополчиться против теории «среды», как на один из наиболее ненавистных ему пунктов материалистического учения о человеке. Теорию «среды» он, совершенно справедливо, стал считать несовместимой с христианским учением о грехе. Своей художественно-образной трактовкой преступления Достоевский надеялся опровергнуть материалистические и социалистические учения идейных наставников своей молодости, а также руководителей вновь поднявшегося поколения, и заменить их христианской догмой о греховности всякого протеста, не только индивидуального, но и общественного, и о необходимости искупить его страданием и покорностью.

Однако знание жизненного материала, глубокое проникновение в обстоятельства и психологию, порождавшие преступность, приводили его, как правдивого художника, к объективным результатам, противоположным его исходным замыслам. Его романы приобретали значение ярких свидетельств о том, что жизнь запуталась и исказилась и требует нового исхода, который могло дать не прошедшее, а только будущее, развивавшееся по законам, не зависимым от субъективных воззрений писателя.

Революционно-демократическая критика (Добролюбов, Писарев, Щедрин) сразу же заметила это коренное противоречие в творчестве Достоевского. Она не прощала Достоевскому ни одного его заблуждения, ни одного его реакционного вывода, но ее нелицеприятный анализ доказывал в то же время, что жизненные конфликты, уловленные и изображенные Достоевским, могут быть разрешены только на революционном пути.